

УДК 81'42

doi 10.17072/2073-6681-2026-2-18-27

EDN FWJGRG

<https://elibrary.ru/fwjgrg>

Жанровая палитра научного творчества М. В. Ломоносова

Данилина Наталия Ивановна

Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского

danilina_ni@mail.ru

Аннотация. Объектом исследования выступает научный дискурс М. В. Ломоносова, представленный текстами на русском и латинском языках, до настоящего времени не изучавшимися в единстве, предметом – его жанровая система. Исследование показало, что жанровый репертуар научного дискурса М. В. Ломоносова в целом укладывается в современную группировку по прагматическим параметрам, однако имеет ряд отличий. Группу собственно научных жанров составляют монографии, диссертации, авторефераты, или расширенные аннотации, а также ряд малых жанров (заметки, лабораторные журналы и др.). Жанр монографии не имеет наименования, но по структуре в целом аналогичен современному, за исключением отсутствия обязательного заключения и списка литературы. Жанр *dissertatio* соответствует современной рецензируемой статье и содержит те же смысловые блоки, но порядок их следования не является жестко регламентированным. Научно-оценочные жанры представлены объекциями (критический отзыв, излагаемый публично), примечаниями (приватные критические замечания) и репортами (аналог современного экспертного заключения о целесообразности публикации). Тексты научно-делового характера, именуемые репортами, могут быть также аналогами современных служебных записок. Важное место занимают научно-учебные труды по риторике, металлургии, физике; все они написаны с ориентацией на применение в учебном процессе. Выделение научно-популярных текстов проблематично, но не исключено. Жанр «слово» соответствует публичной лекции. Латинско-русская диглоссия, характерная для научного дискурса М. В. Ломоносова, определяется параметром «естественные/гуманитарные науки» и жанром создаваемого текста (собственно научный / научно-учебный, научно-деловой, научно-популярный).

Ключевые слова: М. В. Ломоносов; язык науки; русско-латинская диглоссия; жанр диссертации; научно-оценочные жанры; научно-деловые жанры; жанр «слово».

Для цитирования

Данилина Н. И. Жанровая палитра научного творчества М. В. Ломоносова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2026. Т. 18, вып. 2. С. 18–27. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-18-27. EDN FWJGRG

The “Genre Palette” of Mikhail Lomonosov’s Scientific Works

Natalia I. Danilina

Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky

danilina_ni@mail.ru

Abstract. The object of the research is the scientific discourse of Mikhail Lomonosov, represented by texts in Russian and Latin that have not been studied in unity until now; the subject under study is Lomonosov’s genre system. The article demonstrates that the genre system presented in Lomonosov’s scientific discourse fits into the modern classification according to pragmatic parameters; however, it has some differences. The group of purely scientific genres consists of monographs, dissertations, abstracts, or extended an-

notations as well as a number of small genres (notes, laboratory journals, etc.). The genre of the monograph has no name, but its structure is generally similar to the modern one, except for the absence of a mandatory conclusion and a list of references. The *dissertatio* genre corresponds to a modern peer-reviewed article and contains the same semantic blocks, but their sequence is not so strictly observed. Scientific evaluative genres are represented by *objectio* (critical feedback presented publicly), notes (private critical remarks), and reports (an analogue of a modern expert opinion on the expediency of publication). Scientific-official texts, called reports, can be regarded as analogues of modern memos. Scientific educational (academic) works on rhetoric, metallurgy, and physics hold an important place; all of them were written with a focus on application in the educational process. Distinguishing popular science texts is problematic, but possible. The genre of "word" corresponds to a public lecture. The Latin-Russian diglossia, characteristic of Lomonosov's scientific discourse, is determined by the parameter "sciences/humanities" and the genre of the text being created (purely scientific / academic, scientific-official, popular science).

Keywords: Mikhail Lomonosov; language of science; Russian-Latin diglossia; genre of dissertation; scientific evaluative genres; scientific-official genres; genre "Word."

For citation

Danilina N. I. The "Genre Palette" of Mikhail Lomonosov's Scientific Works. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2026, vol. 18, issue 2, pp. 18–27. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-18-27. EDN FWJGRG (In Russ.)

Введение

Жанроведение – отрасль лингвистики, активно развивающаяся во многих направлениях. Не составляют исключения и жанры научной речи. В этой сфере многое сделано представителями пермской школы, и в данной статье мы будем придерживаться понимания, сформулированного В. А. Салимовским: «Жанровая форма может быть описана как актуализация типового авторского замысла, соответствующего определенной социокультурной целеустановке, посредством некоторой системы коммуникативно-познавательных действий... Типовые коммуникативно-познавательные действия... совершаются с использованием определенного инвентаря разноуровневых языковых средств, в результате чего создаются жанровые разновидности речевой организации функционального стиля» [Салимовский 2002: 294–295]. Общепринято деление жанров научной речи на собственно научные, научно-учебные, научно-популярные. М. П. Котюрова и Е. А. Баженова указывают также на наличие научно-оценочных и научно-деловых жанров [Котюрова, Баженова 2008: 255]. В рамках этих групп возможна дальнейшая дифференциация, часто весьма дробная, детерминируемая конкретной научной областью [Какзанова 2012]. Если исходить из приведенного понимания первичности целеустановки по отношению к отбору языковых средств ее реализации, то очевидно, что жанровая система научного дискурса в целом интернациональна и континуальна, как интернациональна и континуальна сама научная деятельность, ни в одной из национальных культур не возникающая «на пустом месте».

Научный дискурс как таковой имеет многовековую историю. Вплоть до XVIII в. он был интернационален не только в содержании, но и в языковом воплощении, ибо существовал преимущественно на латинском языке. Поэтому, говоря о становлении жанров научной речи, следует, на наш взгляд, принимать во внимание и новолатинские научные труды.

Исторические свидетельства употребления латинского языка в речи представителей научного сообщества в России XVII–XVIII вв. подробно рассмотрены в монографии В. К. Воробьева [Воробьев 1999]. Автор отмечает отношение к латинскому языку как к практически необходимому для чтения актуальных трудов зарубежных коллег, рассматривает тему языковой подготовки и аттестации учащихся и претендентов на академические должности [Воробьев 1999: 74–79]. Важным представляется вывод о своеобразной русско-латинской диглоссии в речи представителей науки: «В быту ученый мог мыслить в формах родного (природного) языка, но как только предмет его мысли становилась наука, то он автоматически переходил на латинские формы мысли» [там же: 74, 91–94]. Автор монографии затрагивает, в частности, вопрос о жанрах «ученой латыни», выделяя диссертацию, specimen, монографию, протокол, рецензию, аннотацию, отчет, каталог [там же: 81–88]. Внимание исследователя сосредоточено на документальном подтверждении существования перечисленных жанров. Подробный анализ специфики каждого жанра (целевой установки, композиционных особенностей и языковых проявлений) не входил в задачи автора названной монографии и не проводился позже никем из отечественных исследова-

телей (изучение языка русской науки начинают с русскоязычных трудов ученых второй половины XVIII в. [Очерки... 1994]), поэтому, на наш взгляд, не утратил актуальности.

Образцом научного дискурса, переходного между латинским и национальным, является научное творчество М.В. Ломоносова. Наличие академического полного собрания сочинений [Ломоносов 1950–1983] позволяет как увидеть жанровую систему в целом, представленную в трудах М. В. Ломоносова, так и проанализировать особенности языкового воплощения каждого жанра. Среди работ ученого имеются не только труды на русском и на латинском языках, но и переводы и автопереводы с латинского. Свидетельства о М. В. Ломоносове как об одном из искуснейших латинистов России, о его привычке не только говорить и писать, но и думать по-латински собраны в упомянутой монографии В. К. Воробьева [Воробьев 1999: 70–71] и в статье А. И. Солопова [Солопов 2013]. Вместе с тем констатированная последним ситуация слабой изученности именно латинского наследия М. В. Ломоносова не слишком улучшилась со времени выхода статьи.

Цель нашего исследования – очертить репертуар жанров, представленных в научном творчестве М. В. Ломоносова, включая как русское, так и латинское наследие, проанализировать основные целевые установки, сходства и различия с современной жанровой системой русского научного дискурса, выявить жанры, прототипические для современных и, напротив, специфические. Отдельное внимание будет уделено соотношению русского и латинского языков в текстах различных жанров.

Собственно научные жанры в дискурсе М. В. Ломоносова

Основным жанром в группе собственно научных выступает у М. В. Ломоносова *dissertatio*, что в переводе с латинского означает «рассуждение, изыскание, доклад». Важно обратить внимание, что современным аналогом этого жанра следует считать не столько диссертацию, сколько, с некоторыми допущениями, рецензируемую статью. В отличие от современных диссертаций, работы данного жанра не являлись научно-квалификационными, то есть не предполагали обязательного соискания ученой степени, звания или должности. Они представляли собой авторскую разработку какой-либо научной проблемы; языком диссертаций был латинский. В то же время, подобно современным диссертациям, эти работы проходили процедуру защиты: они заранее подавались для прочтения и высказывания замечаний членам Академии Наук, затем доклад

автора заслушивался и обсуждался на заседании академии. Одобренные диссертации печатались в журнале Академии Наук “*Commentarii*” (затем “*Novi commentarii*”), издававшимся на латинском языке, не рекомендованные к печати сдавались в архив. Журнал рассылался в ведущие университеты Европы [Воробьев 1999: 83], чем обеспечивалась международная доступность трудов отечественных исследователей.

Слово *dissertatio* может использоваться в заглавии работ этого жанра: “*Dissertatio de actione menstruorum chymicorum in genere*”, “*Dissertatio de generatione et natura nitri*”. Однако диссертациями в протоколах конференций Академии называются и работы, имеющие в заглавии синонимы исходного слова, например *meditatio* ‘размышление’ (“*Meditationes de caloris et frigoris causa*”, “*Meditationes de solido et fluido*”), *commentatio* ‘размышление, сочинение’ (“*Commentatio de instrumento caustico catoptrico-dioptrico*”). К жанру диссертации относятся также работы, озаглавленные как *tentamen* ‘опыт’, например “*Tentamen theoriae de vi aeris elastica*” (показательно, что автореферат данной работы содержит в заглавии не прямой перевод, а слово *рассуждение*: «Рассуждение об упругости воздуха»). Однако наличие в заглавии слов со значением ментальной деятельности не является обязательным, ср.: “*De motu aeris in fodinis observato*” («О вольном движении воздуха, в рудниках примеченном»). Таким образом, можно предположить, что слово *dissertatio* употреблялось в изучаемый период в двух значениях: прямом, нетерминологическом, и как обозначение жанра.

В плане развертывания текста диссертации М. В. Ломоносова представляют собой аналоги современных статей и включают обычно ряд композиционных блоков, соответствующих типам ментальных действий: постановка проблемы (обоснование актуальности, слабой изученности темы, экспликация цели), результаты исследования (описание эмпирических опытов или наблюдений и их теоретическая интерпретация), заключительные выводы, теоретическая значимость полученных результатов, перспективы исследования, практическая значимость. Некоторые примеры: *Sed hic laudatorum virorum solertia subsistit* «Но на этом искусство достохвалых мужей остановилось» [Ломоносов 1950–1983, 1: 88–89] (недостаточная разработанность темы); *Quoniam autem mihi animus est instrumenta Physicorum non secus veritates ab iisdem detectas in Chymiam introducendi...* «Вознамерившись ввести в области химии приборы физиков, а также истины, ими открытые...» [там же, 1: 88–89] (экспликация цели); *Haec theoriā... non inutilem fore arbitramur praefectis fodinarum et fos-*

soribus. Etenim... puteis, cuniculis et fossis ea ratione ductis, hi laboribus, illi sumptibus parcere possunt «Сия теория... **полезна будет, уповаю, содержателям рудных заводов и рудокопам. Ибо... расположенные шахты и штольни по выше показанным правилам **работникам легче и хозяевам безубыточнее**» [там же, 1: 330–331] (практическая значимость), *Indeque majus lumen oboriturum esse in Philisopgia corpusculari* «Отсюда прольется большой свет в корпускулярную философию» [там же, 3: 369–370] (теоретическая значимость). Место типовых субтекстов в общей композиции диссертации может варьировать. Например, заключением могут быть у Ломоносова как краткое повторение выводов, так и констатация практической пользы, теоретической значимости, перспектив исследования. Отличие ломоносовских диссертаций от современного жанра статьи состоит в отсутствии такого обязательного ныне структурного элемента, как список литературы (присутствуют только внутритекстовые ссылки); аннотации являлись автономными текстами и печатались отдельно от статей (см. далее). Выявление языковых штампов (латинских и русских) для типовых субтекстов может составить предмет отдельного исследования, поэтому мы не касаемся его в данной статье.**

Параллельно с основными томами академического журнала издавались сборники рефератов, или расширенных аннотаций (терминологическое обозначение жанра подобных текстов отсутствует), где основное содержание диссертаций излагалось на русском языке. В соответствии с этим требованием латиноязычные диссертации Ломоносова также имеют русские рефераты. Эти тексты представляют собой последовательный пересказ диссертаций с краткими формулировками основных мыслей каждого параграфа.

Отдельно упомянем две работы, написанные М. В. Ломоносовым в период обучения в Германии у Х. Вольфа и присланные в качестве «образчиков знания» для отчета перед Академией Наук, организовавшей и оплатившей обучение: “Specimen physicum de transmutatione corporis solidi in fluidum a motu fluidi praeexistentis dependente” и “Dissertatio physica de corporum mixtorum differentia”. Это своеобразные аналоги нынешних курсовых работ: предоставление таких сочинений на заданную руководителем тему требовалось по полугодиям [там же, 1: 539]. Специмены не предполагали процедуры защиты [Воробьев 1999: 82]. В логико-композиционном плане эти работы М. В. Ломоносова выдержаны в манере, характерной для научной школы Вольфа, где каждое ментальное действие получает эксплицитное словесное обозначение при помощи математического термина (*теорема*,

лемма, *аксиома* и т. п.), что впоследствии стало менее проявляться в идиолекте Ломоносова.

В наследии М. В. Ломоносова имеется несколько крупных собственно научных трудов – аналогов современных монографий: «Российская грамматика», «Древняя российская история...», «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию». Все они написаны по-русски и изданы отдельными книгами. В собрании сочинений М. В. Ломоносова представлено много подготовительных материалов к этим работам, демонстрирующих, что размышления над этими темами, сбор и систематизация фактического материала велись в течение длительного времени. Композиционная структура, как и в современных монографиях, многоступенчата: части, главы, параграфы. Факультативно присутствуют сопутствующие тексты (посвящения, предисловия, или вступления, оглавления) и такой обязательный ныне элемент монографии, как заключение.

Широко представлены у М. В. Ломоносова малые научные жанры: перечни тем для будущих работ, программы, планы исследований и опытов, записи наблюдений и результатов опытов, тезисные заметки по отдельным вопросам и рабочие гипотезы. Характерные черты этой группы жанров – отсутствие «стороннего» адресата. Заметки могут быть как разрозненными, так и объединенными в группы. Принципы группировки при этом различны и диктуются разными прагматическими установками: лабораторные журналы, подготовительные материалы к определенным сочинениям, тематические заметки. Тематические корпуса могут иметь название, как, например, корпус «Химические и оптические записки». Журналы наряду с собственно научными текстами содержат отдельные записи бытового характера, например, фиксацию необходимых дел или имена подручных в опытах. Заметки внутри корпусов М. В. Ломоносов подвергает определенной систематизации, которая может производиться как сразу, так и по мере накопления записей. Программа опытов и лабораторные записи 1752–1756 гг. сразу группируются по темам, каждая из которых пронумерована и имеет заглавие, например «I. Опыты физические о солях», «II. Исследование солей» и т. д. Совпадение этой программы с неоконченным курсом физической химии, задуманным как учебный труд, позволяет трактовать их как подготовительные материалы к этому курсу [там же, 2: 700]. Группа заметок 1741–1743 гг. по физике и корпускулярной философии (276 текстов) не имела заглавия, заметки лишь нумеровались в порядке написания. Однако по мере накопления

записей была произведена их дальнейшая тематическая систематизация: в конце корпуса помещен пронумерованный перечень тем будущих работ, а рядом с каждой заметкой проставлен номер темы, при разработке которой она может быть использована.

На выбор языка записок, по-видимому, оказывает определенное влияние и период написания, и их предполагаемое применение. Заметки-размышления и тезисы, предназначенные для естественно-научных трудов, пишутся по-латински. Так, из 276 заметок 1741–1743 гг. по физике только одна написана по-французски и две по-немецки. На латинском языке написаны и материалы к незавершенному курсу физической химии, а также лабораторный журнал 1751 г. Однако в «Химических и оптических записках» 1762–1763 гг., тоже представляющих собой лабораторный журнал, язык изложения преимущественно русский, хотя встречаются отдельные вкрапления в виде фраз и частей фраз на латинском (в 17 заметках); полностью на латинском написано лишь 24 заметки из 179.

Еще один малый жанр, который находим у М. В. Ломоносова, – задача на премию Академии Наук (ныне этот жанр вышел из употребления). Такие задачи ежегодно предлагались ученому сообществу от имени Академии, поэтому проходили предварительное обсуждение на заседаниях и конкурсный отбор. Тексты задач составлялись на латинском языке в свободной форме.

К числу малых жанров относят обычно и научно-оценочные (рецензии, дискуссионные статьи и т. п.). В наследии М. В. Ломоносова также имеются работы этого типа. Богатый и разнообразный материал в этом плане дают труды по истории.

В собрании сочинений Ломоносова представлены материалы дискуссии по поводу диссертации историка Г. Ф. Миллера – сторонника норманнской теории происхождения русской народности. В архивах Академии Наук сохранены тексты заранее подготовленных критических выступлений Ломоносова на заседаниях (на русском языке), а также возражений на ответы Г. Ф. Миллера (на латинском языке). В протоколах конференций академии эти тексты называются *объекциями* (от лат. *objectio* ‘возражение’) [там же, 6: 549]. С одной стороны, по институциональной функции русскоязычные объекции представляют аналог нынешних оппонентских отзывов – публично произносимых или зачитываемых текстов, имеющих письменный прототип, переданный для ознакомления диссертанту. С другой стороны, в отличие от современных жанров рецензии и оппонентского отзыва, предполагающих всестороннее рассмотрение работы

и выражаемое языковыми средствами снижение категоричности отрицательной оценки [Никитина, Малышкин 2015], в объекциях М. В. Ломоносова моменты положительной оценки полностью отсутствуют. Композиционно текст построен как постраничные возражения утверждениям Г. Ф. Миллера с приведением обоснований их несостоятельности. Латиноязычные объекции, сохраненные протоколами, дают образцы дискуссии как свободного обмена мнениями. Отметим, что М. В. Ломоносов весьма категоричен как в суждениях, так и в выражении несогласия с точкой зрения Г. Ф. Миллера. Вот некоторые примеры: «От стран. 23 до 44 все должно было автору почти без остатку выкинуть» [там же, 6: 39], «...мнение господина Миллера... весьма неосновательно» [там же, 6: 41], “*False*” «Неверно» [там же, 6: 44]. Активно пользуется М. В. Ломоносов и риторическими приемами, например сравнениями: «Сие столь же нескладно, как бы Юстиниана, царя греческого, назвать султаном турецким, для того что ныне Грециею турки владеют» [там же, 6: 39], восклицаниями: “*Deus bone! Ubi ... legit vel audivit?*” «Боже благий! Где он вычитал или услышал...?» [там же, 6: 68], вопросами: “*Quare?*” «Почему?» [там же, 6: 46]. Не стесняется М. В. Ломоносов даже перейти на личности: «Все ученые тому дивиться станут, что древность, которую приписывают российскому народу и имени все почти внешние писатели, опровергает такой человек, который живет в России и от ней великие благодеяния имеет» [там же, 6: 42], *O preclarum linguae Russicae heroem!* «О преславный знаток русского языка» (саркастический упрек) [там же, 6: 49]. Таким образом, эксплицитное выражение отрицательной оценки, отмечаемое для современных устных научных дискуссий [Чалова 2025], обнаруживается уже в научном дискурсе XVIII в.

Текстами другого жанра в рамках данной дискуссии являются репорты в Канцелярию Академии Наук – две разновременные рецензии на диссертацию, написанные по требованию Канцелярии и не предполагавшие ознакомления с ними диссертанта (сентябрь 1749 и июнь 1750, то есть до и после академических обсуждений); эти тексты обладают признаками не только научного, но и делового типа. В содержательной части приводится перечень научных недостатков работы (но, в отличие от вышеназванных документов, без постраничных замечаний и без аргументации), включая плохое владение автором латинским языком, и возможные отрицательные социально-политические последствия ее обнародования. Формальную рамку задают заголовок «Репорт», заключение о невозможности обнародования, подпись, дата.

Особняком в группе научно-оценочных текстов стоят «Примечания» к рукописи Вольтера «История Российской империи при Петре Великом». Получив рукопись первых восьми глав, М. В. Ломоносов отметил постранично все фактические неточности, а в некоторых местах выразил несогласие с концепцией автора. Словесная форма выражения и здесь категорична: «Весьма несправедливо» [там же, 6: 94], «Должно совсем вон выкинуть», «Весьма ложное известие» [там же, 6: 95]. Известно, что замечания М. В. Ломоносова были приняты и учтены Вольтером [там же, 6: 564]. Ведя через И. И. Шувалова дальнейшую переписку с Вольтером, М. В. Ломоносов даже предлагал ему воспользоваться собственным неизданным весьма пространным «Экстрактом о стрелецких бунтах» [Ломоносов 1950–1983, 6: 94] (рефератом или конспектом в нынешней терминологии – еще один жанр в научном творчестве М. В. Ломоносова).

Научно-учебные и научно-деловые жанры в дискурсе М. В. Ломоносова

Немаловажную роль в научном творчестве Ломоносова играет жанр учебного пособия. Таковыми можно считать два варианта «Риторики» («Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия» и «Краткое руководство к красноречию») и два варианта «Первых оснований металлургии» («Первые основания горной науки» и «Первые основания металлургии или рудных дел»). От монографий данные труды отличает ориентация на практическое применение и на чтение не вполне подготовленным адресатом. Например, в «Первых основаниях...» не только дается научное определение термину *металл* и перечисляются металлы, но и описывается внешний вид каждого, его тактильные свойства, поведение в простейших реакциях, то есть приемы распознавания, приводятся химические символы, что в научной статье или монографии было бы излишне. В «Риторике», излагающей общепринятое учение о приемах красноречия, практическая направленность выражена в подборе примеров из отечественной словесности и ситуаций, в которых уместен тот или иной прием.

Говоря о научно-учебных работах М. В. Ломоносова, следует назвать также «Вольфианскую экспериментальную физику» – перевод на русский язык латиноязычного компендиума, составленного Л. Ф. Тюммингом по многотомному немецкому труду Х. Вольфа [Thümmigius 1725]. С одной стороны, эта работа, в отличие от выше-названных, не содержит систематического изложения физической теории и включает только описания физических экспериментов с объяснениями; с другой стороны, способ подачи теоре-

тических знаний как выводимых из эмпирических наблюдений и опытов представлялся Ломоносову наиболее убедительным и соответствующим духу времени, о чем он и пишет в предисловии [там же, 1: 424]. М. В. Ломоносов планировал использовать данный труд в учебном процессе и взялся за перевод потому, что его ученикам в Санкт-Петербурге не было доступно соответствующее латинское издание [там же, 1: 579].

Выделение научно-популярных жанров в творчестве М. В. Ломоносова проблематично. Поскольку распространение научных знаний за пределами научного сообщества и учебных заведений не осознавалась в XVIII в. как общественная потребность, произведений, ставящих себе такую цель, не могло быть много. В творчестве М. В. Ломоносова научно-популярными в нынешнем понимании можно признать два произведения, адресованные широкой публике, в которых научные знания не являются результатами собственных исследований и открытий автора и поданы упрощенно. Мы имеем в виду стихотворное «Письмо о пользе стекла», формально адресованное И. И. Шувалову, и «Слово о пользе химии» (о *слове* как самостоятельном жанре см. далее). Исследователи современного научно-популярного дискурса отмечают, что его жанровые формы вторичны и заимствуются из публицистики [Багиян 2014; Кузьминых, Красильникова 2022]. Как видим, для творчества М. В. Ломоносова это утверждение не имеет силы. Обращение к жанрам художественной литературы для изложения научной информации (как это сделано в «Письме о пользе стекла») имеет давнюю традицию и восходит к временам Античности и Средневековья, не знавшим строгого разделения литературы: вспомним дидактические поэмы или историю жанра диалога, популярного в средневековой Европе [Ненарокова 2011] и применявшегося даже в новолатинском медицинском дискурсе XVI в. [Данилина 2025а]. Черты риторической обработанности, языковой выразительности, приписываемые сейчас научно-популярным текстам [Серебрякова, Кибкало 2024], вообще часто присутствуют в академическом красноречии Ломоносова (см., например, выше описание обьекций или анализ «Слов» в статье [Данилина 2025б]).

Жанром, труднее других соотносимым с современными канонами научной речи, выступает в творчестве М. В. Ломоносова «слово». Определения, даваемые этому жанру в литературоведческих словарях, не предполагают его использования в научном дискурсе [Словарь... 1974]. Опора на латинский эквивалент, принимаемый М. В. Ломоносовым в «Риторике» (*oratio* 'доклад, выступление, речь'), предполагает устную

форму исполнения и не ограничивает содержательной стороны. Определение, предлагаемое М. В. Ломоносовым, подчеркивает риторическую обработанность текста: «Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению. Предложенная по сему искусству материя называется речь или слово» [Ломоносов 1950–1983, 7: 91]. Сейчас выступления, озаглавленные Ломоносовым как «Слово», мы сопоставили бы с публичными лекциями (о характерных особенностях публичных лекций см., например, [Нагиева 2015]). Все они произносились на ежегодных публичных собраниях Академии Наук по случаю торжественных дат (например, тезоименитства императрицы или годовщины восшествия на престол), сборники таких речей печатались отдельными брошюрами, обычно до заседания. Трудность жанровой квалификации ломоносовских «Слов» заключается в неодинаковости их собственно научной составляющей. Например, «Слово о пользе химии» (написанное и произнесенное по-русски) носит, безусловно, научно-популярный характер и не содержит результатов каких-либо собственных изысканий автора. Напротив, в «Слове о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» (написанном и напечатанном параллельно на двух языках, прочтенном же по-русски) излагаются размышления и выводы по актуальной научной проблеме, настолько важной для М. В. Ломоносова, что он отказался печатать эту диссертацию в журнале без публичного выступления, которое могло обеспечить более быструю публикацию [Ломоносов 1950–1983, 3: 515]. Еще два «Слова» («Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее» и «Слово о рождении металлов от трясения земли» (“Oratio de generatione metallorum a terrae motu”)) также отличаются новизной научного содержания. Риторическая составляющая «Слов» проявляется в наличии композиционных элементов восхваления (науки как таковой, Петра Великого как покровителя наук в России, царствующей особы как продолжательницы его дела), в использовании синтаксических маркеров диалогичности, риторических приемов, в частности тропики, на протяжении не только хвалебной, но и собственно научной части текста [Данилина 20256].

Группу научно-деловых жанров составляют в творчестве М. В. Ломоносова *репорты* в разные структуры Академии Наук, которые можно разделить на два типа, аналогичные разным современным жанрам. Общими чертами группы являются характерная для документов шапка, дата и подпись в конце. Первый тип репортов – аналог служебных записок, где содержатся просьбы об

организации лаборатории, о выдаче оборудования для исследований или необходимых денежных средств; подобные документы именовались также представлениями и доношениями; они могли составляться как на русском языке, так и на латинском. Репорты второго типа представляют собой экспертные заключения, выполненные по заданиям Академии (преимущественно это химические экспертизы образцов руд, однако сюда же можно отнести и вышеупомянутые рецензии на диссертацию Г. Ф. Миллера, а также еще несколько заключений о целесообразности/нецелесообразности печатания некоторых научных трудов).

Отдельно следует отметить возможность использования эпистолярного жанра для изложения научных идей. В наследии М. В. Ломоносова отмечено три письма на научные темы; эти письма не являются имитацией, они имели реальных адресатов и предполагали ответы. Первый случай – «Письмо о правилах российского стихотворства» (сентябрь 1739 г.), написанное и посланное в Российское собрание при Академии Наук; критический ответ на это письмо, написанный В. К. Тредиаковским, не был отправлен М. В. Ломоносову по настоянию других членов собрания [Ломоносов 1950–1983, 7: 783]. Второй случай – письмо Л. Эйлеру от 5 июля 1748 г., которое практически дословно повторяет диссертацию «Об отношении количества материи и веса», но отличается большей категоричностью языкового выражения (сравнение проведено в статье [Данилина 2023]). Целью М. В. Ломоносова было выяснить мнение уважаемого им коллеги о своих размышлениях, прежде чем представить их на обсуждение академиком [Ломоносов 1950–1983, 3: 556–557]. Третий случай – письмо И. И. Шувалову от 1 ноября 1761 г., представляющее собой, по сути, статью, печатаемую под заглавием «О сохранении и размножении российского народа», которой предшествовал план большой работы социально-экономического толка. Сам М. В. Ломоносов не предполагал издавать это сочинение, предвидя, вероятно, цензурные затруднения, которые и произошли при издании в 1819 г., вышедшем со значительными купюрами [там же, 5: 596].

Выводы

В научном дискурсе М. В. Ломоносова представлена разветвленная жанровая система, которая в целом укладывается в современную группировку по прагматическим параметрам, однако имеет и ряд отличий.

Круг собственно научных жанров представлен монографиями, диссертациями, специменами и авторефератами. Жанр монографии отличается

от современных аналогов отсутствием системы сопутствующих текстов (список источников и список литературы, аннотация и т. п.). Жанр диссертации совмещает черты двух современных: диссертации (присутствует свойство – процедура публичной защиты, отсутствует цель – получение ученой степени) и рецензируемой статьи (присутствует цель – публикация в авторитетном издании, отсутствует свойство «слепого рецензирования»). Специменами именуются научно-квалификационные работы периода обучения, не предполагавшие публичной защиты. Жанр, соответствующий нынешнему автореферату, не имеет в ломоносовское время отдельного обозначения, хотя такие рефераты регулярно издаются. Результат реферирования чужих работ получает у Ломоносова название *экстракт*. Жанр задачи, предлагаемой на премию Академии Наук, в настоящее время вышел из употребления. Весьма разнообразны малые научные жанры. Среди них уже выделяется группа научно-оценочных, представленная *объекциями* (критический отзыв на публичной защите) и *примечаниями* (приватные критические замечания), к ним примыкают *репорты*, являющиеся экспертизами научных трудов, проводимыми по требованию вышестоящих инстанций. Наименование *репорт*, относящееся к научно-деловым текстам, соответствует нескольким жанрам, ныне оцениваемым как различные: служебной записке и экспертному заключению. Большое значение М. В. Ломоносов придавал созданию учебных пособий: пособия по риторике и по металлургии имеют по две редакции, экспериментальная физика Х. Вольфа была специально переведена на русский язык. Научно-популярные тексты в нынешнем понимании у М. В. Ломоносова единичны. Жанр «слово» является аналогом публичной лекции.

В выборе языка изложения прослеживаются прагматические принципы. Труды по гуманитарным наукам написаны преимущественно по-русски, язык же естественно-научных работ выбирается в зависимости от жанра. Поскольку официальным языком Академии Наук был латинский, то все тексты, проходившие через нее, написаны по-латински. По-латински писались также личные заметки по физике и химии. Русский язык допускался для публичных речей на торжественных заседаниях (*слов*). Поскольку именно М. В. Ломоносов был активным сторонником введения русского языка как второго рабочего для Академии, среди его текстов научно-деловых жанров можно найти как латинские, так и русские. Для учебных пособий и монографий, независимо от научной сферы, ученый выбирает русский язык. Таким образом, в научном идиоме М. В. Ломоносова наблюдается латинско-

русская диглоссия не столько по параметру «наука / не наука», сколько по параметру «естественные/гуманитарные науки»; кроме того, прослеживается тенденция к постепенной русификации деловой, научно-популярной и учебной сфер общения.

Список литературы

Багрян А. Ю. Сущностные свойства и основные характеристики научно-популярного дискурса // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. № 3. С. 81–86.

Воробьев Ю. К. Латинский язык в русской культуре XVII – XVIII веков. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1999. 240 с.

Данилина Н. И. Диалоги в ренессансном научном тексте // Актуальные проблемы изучения и преподавания дисциплин античного цикла: коллективная монография. Нижний Новгород: Нижегород. гос. ун-т, 2025а. С. 206–215.

Данилина Н. И. Риторическая организация научной речи М. В. Ломоносова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025б. Т. 47, № 1. С. 53–58. doi 10.15393/uchz.art.2025.1128

Данилина Н. И. Прагматический компонент в научной речи XVIII века (на материале текстов Ломоносова) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 7. С. 8–12. doi 10.15393/uchz.art.2023.951

Какзанова Е. М. Жанры научного текста: обзор мнений // Язык, коммуникация и социальная среда. 2012. № 10. С. 129–138.

Котюрова М. П., Баженова Е. А. Культура научной речи: текст и его редактирование. М.: Флинта: Наука, 2008. 280 с.

Кузьминых Ж. О., Красильникова Н. В. Научно-популярный дискурс как коммуникативный феномен: сущность и основные характеристики // Universum: филология и искусствоведение: электрон. науч. журн. 2022. № 7 (97). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/14077> (дата обращения: 17.10.2025)

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. В 11 т. / гл. ред: С. И. Вавилов, Т. П. Кравец; редкол.: В. В. Виноградов, А. В. Топчиев, С. Г. Бархударов, А. И. Андреев, Г. П. Блок, А. А. Елисеев, Г. А. Князев, В. Л. Ченакал; АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1983.

Нагиева Е. Б. Средства диалогичности публичной лекции в аспекте специфики жанра // Коммуникативные исследования. 2015. № 4 (6). С. 80–87.

Ненарокова М. Р. Рецепция античного жанра диалога в литературе эпохи Каролингов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. Т. 29, № 1. С. 106–130.

Никитина Л. Е., Малышкин К. Ю. Речевой жанр научной рецензии через призму категоричности оценки // *Жанры речи*. 2015. № 2 (12). С. 72–79. doi 10.18500/2311-0740-2015-2-12-72-79

Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. / под ред. М. Н. Кожинной. Т. 1: Развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых единиц различных уровней. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1994. 304 с.

Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении: Русский научный академический текст: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2002. 343 с.

Серебрякова С. В., Кибкало Р. И. Оценочность как прагматически значимый маркер авторского присутствия в научно-популярном дискурсе астрономии (на материале текстов В. Г. Сурдина) // *Известия ЮФУ. Филологические науки*. 2024. Т. 28, № 3. С. 72–83.

Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 509 с.

Солопов А. И. Латинский язык в жизни и творчестве Ломоносова // *Научные доклады филологического факультета МГУ*. 2013. Т. 7. С. 16–24.

Чалова О. Н. Негативная оценка в устном научном диалоге (на материале русского и английского языков) // *Вестник Северного (арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»*. 2025. Т. 25, № 2. С. 94–106. doi 10.37482/2687-1505-V423

Thümmigius. Institutiones philosophiae Wolfianae, in usus academicos adornatae opera Ludovici Philippi Thümmigii, professoris philos. ordinarii, reg. soc. scient. bor. sodalis. Vol. 1. Francofurtus; Lipsiae: Officina libraria Rengeriana, 1725. 512 p.

References

Bagiyan A. Yu. The main properties and principal characteristics of the popular science discourse. *Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin*, 2014, issue 3, pp. 81–86. (In Russ.)

Vorob'ev Yu. K. *Latin in Russian Culture of the 17th–18th Centuries*. Saransk, 1999. 240 p. (In Russ.)

Danilina N. I. Dialogues in a Renaissance scientific text. In *Current Issues of Studying and Teaching Disciplines of the Ancient Cycle*. Nizhny Novgorod, 2025a, pp. 206–215. (In Russ.)

Danilina N. I. Rhetorical structure of Mikhail Lomonosov's scientific language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2025b, vol. 47, issue 1, pp. 53–58. doi 10.15393/uchz.art.2025.1128 (In Russ.)

Danilina N. I. Pragmatic component in the eighteenth-century language of science (based on Mikhail Lomonosov's texts). *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2023, vol. 45, issue 7, pp. 8–12. doi 10.15393/uchz.art.2023.951 (In Russ.)

Kakzanova E. M. Genres of scientific text: an overview of opinions. *Language, Communication and Social Environment*, 2012, issue 10, pp. 129–138. (In Russ.)

Kotyurova M. P., Bazhenova E. A. *Culture of Scientific Speech: Text and Editing*. Moscow, 2008. 280 p. (In Russ.)

Kuz'minykh Zh. O., Krasil'nikova N. V. Popular science discourse as a communication phenomenon: essence and main characteristics. *Universum: Philology and Art History*, 2022, vol. 7 (97). Available at: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/14077> (accessed 17 Oct 2025). (In Russ.)

Lomonosov M. V. *Complete Works*. In 11 vols. Moscow, Leningrad, 1950–1983. (In Russ.)

Nagieva E. B. The dialogueness means of public lecture in terms of genre specificity. *Communication Studies*, 2015, issue 4 (6), pp. 80–87. (In Russ.)

Nenarokova M. R. Reception of the ancient genre of dialogue in the literature of the Carolingian era. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 2011, vol. 29, issue 1, pp. 106–130. (In Russ.)

Nikitina L. E., Malyshev K. Yu. The speech genre of scientific review through the prism of categorical assessment. *Speech Genres*, 2015, vol. 2 (12), pp. 72–79. doi 10.18500/2311-0740-2015-2-12-72-79 (In Russ.)

Essays on the History of the Scientific Style of the Russian Literary Language of the 18th–20th Centuries. Ed. by M. N. Kozhina. Vol. 1. Development of scientific style from the perspective of the functioning of linguistic units of different levels. Perm, 1994, 304 p. (In Russ.)

Salimovskiy V. A. *Genres of speech in functional and stylistic coverage: Russian scientific academic text*. Dr. philol. sci. diss. Yekaterinburg, 2002. 343 p. (In Russ.)

Serebryakova S. V., Kibkalo R. I. Evaluation as a pragmatically significant marker of the author's presence in astronomical popular scientific discourse (based on V. G. Surdin's texts). *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, 2024, vol. 28, issue 3, pp. 72–83. doi 10.18522/1995-0640-2024-3-72-83 (In Russ.)

Dictionary of Literary Terms. Comp. and ed. by L. I. Timofeev, S. V. Turaev. Moscow, 1974. 509 p. (In Russ.)

Solopov A. I. The Latin language in the life and work of Lomonosov. *Scientific Reports of the Faculty of Philology of Moscow State University*, 2013, vol. 7, pp. 16–24. (In Russ.)

Chalova O. N. Negative evaluation in oral scientific dialogue (based on Russian and English). *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series Humanitarian and Social Sciences*, 2025, vol. 25, issue 2, pp. 94–106. doi 10.37482/2687-1505-V423 (In Russ.)

Thümmigius. *Institutiones philosophiae Wolfianae*, in usus academicos adornatae. Opera Ludovici Philippi Thümmigii, professoris philos. ordinarii, reg. soc. scient. bor. sodalis. Francofurtus; Lipsiae, 1725, vol. 1. 512 p. (In Latin)

Информация об авторе

Данилина Наталия Ивановна

доктор филологических наук, профессор
кафедры русского и латинского языков
Саратовский государственный медицинский
университет им. В. И. Разумовского
410012, Россия, г. Саратов, ул. Б. Казачья, 112
danilina_ni@mail.ru

SPIN-код: 8581-4560

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8804-2157>

ResearcherID: W-4916-2017

*Статья поступила в редакцию 22.11.2025; одобрена
после рецензирования 16.12.2025; принята к публи-
кации 14.01.2026*

Information about the author

Natalia I. Danilina

Professor in the Department of Russian
and Latin Languages
Saratov State Medical University
named after V. I. Razumovsky
112, Bolshaya Kazachya st., Saratov, 410012, Russia
danilina_ni@mail.ru

SPIN-code: 8581-4560

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8804-2157>

ResearcherID: W-4916-2017

*Submitted 22 Nov 2025; revised 16 Dec 2025;
accepted 14 Jan 2026*